

Исповедь вора 'Ад при жизни'

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Сталь

Исповедь вора. «Ад при жизни»

«Автор»

2026

Сталь М.

Исповедь вора. «Ад при жизни» / М. Сталь — «Автор», 2026

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: после этой книги ваше прошлое покажется счастливым детством. «Мама, роди меня обратно — в тюрьму я больше не пойду». Эту фразу автор прошептал в самом страшном лагере для подростков. Его путь — это гонка на выживание: от побега из дома в 9 лет до кипятка, вылитого на себя, лишь бы не ехать в Димитровград. Здесь нет героев. Здесь есть пацаны, «опущенные», «бугры» и система, которая ломает всех. Жестче, чем «Обитаемый остров». Реалистичнее, чем любые сериалы про 90-е. Это надо прочитать, чтобы знать, из какого ада вышло целое поколение. Эта история не выдумка а реальная. Есть документальный фильм. Опыт креста.

© Сталь М., 2026

© Автор, 2026

Михаил Сталь

Исповедь вора. "Ад при жизни"

ГЛАВА 1

Я родился летом 1979 года в небольшом городке под названием Полевской, что в Свердловской области. Нарекли меня Михаилом. И всё бы хорошо, но у мамы после родов началась депрессия, и её поместили в психиатрическую больницу. Галину – так звали мою маму – выписали лишь через полгода. Она вернулась к прежней жизни, и мы переехали поближе к родителям отца, в город Миасс Челябинской области. Я этого, конечно, не помню – был слишком мал.

Спустя немного времени мама снова попала в больницу. Так вышло, что меня взяли на воспитание бабушка с дедушкой, а старший брат Валерий остался с отцом. Так я оказался разлучен не только с матерью, но и с братом, и с отцом.

Когда мне было лет пять, отец пришёл к бабушке в гости с какой-то женщиной и с братом. Оказалось, он влюбился и решил построить новую семью. Он спросил, буду ли я называть эту женщину мамой. Я, не зная материнской любви, легко ответил согласием. Брат же, который был на три года старше и ясно помнил родную мать, наотрез отказался. Вместе с бабушкой и дедушкой отец решил, что я поеду с новой семьёй жить в другой регион, а брат останется с ними, под их присмотром.

Так я оказался с отцом и новой мамой далеко от бабушки с дедушкой. Мы переехали в небольшой посёлок в нескольких километрах от Стерлитамака. Там я пошёл в первый класс, появились друзья. Новая мама вскоре сказала, что у меня будет братик. Но что-то пошло не так, и ребёнка она потеряла.

Родители снова решили переехать. По окончании первого класса мы оказались в Пермском крае, в городе Чайковском – небольшом городке на берегу реки Камы. Меня радовало одно: туда же перебрались дедушка с бабушкой и мой братец. Дед купил дом в частном секторе, при доме была времянка. Вот в эту времянку мы и поселились.

Помещение площадью метров пятнадцать представляло собой одну комнату с печью, кухонным столом и умывальником. Туалет – на улице, плита – на веранде, вода – в колодце. Старший брат чувствовал себя не в своей тарелке; он, видимо, понимал, что отношения с мачехой у него натянуты.

Брат связался с дурной компанией. Мне тогда было лет девять, ему – двенадцать. Под предлогом «нас тут не любят, надо бежать» мы с ним сбежали из дома. Брат познакомил меня со своей шайкой, где я оказался самым младшим и безгласным. Мы жили в подвалах, на чердаках, воровали всё, что плохо лежит. По ночам лазили по магазинам, вскрывали чужие кладовки. Меня везде толкали вперёд, и я не смел отказаться. Я до конца не понимал, к чему это ведёт.

Однажды большой толпой мы залезли в хозяйственный магазин. Я не мог сообразить, что в таком магазине можно украсть? Нам просто хотелось есть. Внутри мы нашли сейф и решили его вскрыть. Вооружившись монтировками, начали ломать дверцу. Она не поддавалась – сейф оказался крепче, чем казался. Тогда придумали план: отогнуть створку, просунуть в щель руку и нащупать внутри деньги или что-нибудь ценное. Один парень по имени Саня вызвался это сделать. Когда с помощью монтировок щель стала достаточно широкой, он просунул руку внутрь, шарил в темноте в поисках добычи. В этот момент у кого-то сорвался лом, и рука Сани оказалась в железном капкане.

Всех охватила паника. Кто-то крикнул: «Он нас сдаст! Надо руку отрубить!». Страх нарастал, но у одного из нашей шайки хватило здравого смысла убедить остальных: нужно так же, ломом, отогнуть створку обратно. После долгих усилий руку высвободили.

Позже, в один из таких дней, к нам в подвал пришли так называемые старшие. Они пояснили, что Саня кого-то сдал, и его нужно «опустить». Меня в подробности не посвящали. Я не знал, как ему помочь, да и чем я мог помочь – самый мелкий, самый слабый. Совершив своё грязное дело, старшие удалились. Саня стоял униженный, опущенный, и пути назад, казалось, не было. Кто-то из наших сказал ему, что нужно съесть кусок хозяйственного мыла – тогда смое позор. Саня не ел, он жадно, с отчаянием жрал этот жёлтый кусок, жуя, давясь и плача. Но чуда не произошло. Он так и остался для всех «опущенным».

Именно тогда я с ледяной ясностью понял, куда попал. И что обратного пути у меня нет.

ГЛАВА 2

С того самого момента жизнь Сани изменилась кардинально. Его перестали не то что уважать – с ним перестали существовать наравне. После него нельзя было есть, пить, курить, брать что-либо из его рук. Саня стал изгоем. Клеймо «опущенного» стало его сутью, его тенью на всю оставшуюся жизнь.

Я чётко усвоил урок: в нашей шайке нет шуток. Здесь всё по-взрослому. И я отдавал себе отчёт: если начну сотрудничать с милицией, участь моя будет точно такой же. Поэтому, когда нас ловили, я молчал как рыба. Нас возвращали домой, родителям выписывали штрафы, а мы снова сбежали. Так и шло моё детство – если это можно было назвать детством.

Отец не знал, как с этим справиться, и не придумал ничего лучше, чем посадить нас с братом на цепь. В буквальном смысле. На работе он смастерил из металлической пластины два самодельных наручника. Замком служили болты с гайками. К каждому наручнику был приделан тросик, опущенный в подпол, пропущенный через петлю из мощных гвоздей и выведенный ко второму наручнику. Как вы догадались, один наручник зажимал запястье брата, второй – моё. Отец туго закручивал гайки и уходил на работу с чувством исполненного отцовского долга.

Чтобы включить телевизор в нашей уютной времянке, одному из нас приходилось залезать под стол к дырке, куда уходил тросик, а второму – тянуться к кнопке. Так мы и сидели, словно псы на цепи, целый день, пока родитель не вернётся. Вечером нас освобождали – если это можно назвать свободой. Под конвоем, по очереди, мы ходили в туалет. Так длилось неделю. Я проклинал всё на свете.

В один из вечеров я незаметно занёс с веранды кухонный топорик – знаете, такой, с обухом-молотком с другой стороны. Спрятал его за печкой. Утром – снова наручники, отец на работу. Всё как всегда. Убедившись, что он ушёл, я достал топорик и перерубил тросик. Вуаля – свобода! Оставалось снять наручники. Вылезли из дома через форточку; брат, застряв, вывалился вместе с рамой. В гараже нашли ключ, открыли гайки. Переодевшись, мы сбежали с ещё большим остервенением.

Время шло. Те, кто подходил по возрасту, отправлялись в колонии для несовершеннолетних и спецучилища. Моего брата тоже забрали. Нас становилось меньше.

В один из дней мы решили залезть в кулинарию под названием «Русь». Это был не первый наш визит. Стекла там не успевали вставлять, и на нашем привычном месте вместо стекла красовался лист ДВП. На радостях – с картоном справиться было куда легче. У кого-то оказался нож. Мы вырезали дыру, и я первым пролез внутрь. Набрали сладостей, уже собирались уходить, как кто-то подошёл к кассе. Она оказалась открыта. Выгребли всю выручку.

Позже, в подъезде многоэтажки, поделили нажитое и разбежались. На украденные деньги я и ещё несколько человек решили махнуть в Ижевск – ближайший большой город, в девяноста километрах от нашего. Купили билеты на поезд (или не купили, не помню). В пути познакомилась со взрослой девушкой. Она направлялась за жвачками «Турбо» и прочими прелестями того времени – скупала их на рынке оптом, везла к нам и продавала в тридорога. По приезде мы тоже накупили жвачек и сладостей.

Но по возвращении «на родину» нас уже ждал отец одного из пацанов – того, кого звали Саня, но мы звали его Цыган (фамилия у него была Цыгвинцев). Моего брата к тому времени уже «воспитывало» спецучилище, так что отец Цыгана привёл меня к моим родителям. Цыган оказался ушлым: сразу же, чтобы отвести удар от себя, сдал всех – и меня, и остальных. Дома, конечно, мне всыпали по полной. Но это было не самое страшное.

Цыган, видимо, решил закрепить успех. В компании он пустил слух, что это я всех сдал. В школу пришла та самая шайка и жестоко избила меня, не разбирая правых и виноватых. Они буквально запинывали меня ногами, и если бы не вмешательство старшеклассников, могли и забить насмерть.

А спустя немного времени меня обманом заманили на крышу шестнадцатиэтажки. Цыган решил со мной разобраться окончательно. С ним был тот самый Саня. Он к тому времени смирился со своей долей быть «опущенным»; он стоял в стороне, обозлённый, но безгласный, не имеющий права даже на слово.

Цыган же, взяв в руки горлышко от разбитой бутылки, отчётливо дал понять, что собирается проделать со мной то же, что когда-то проделали с Саней. Я пятился от него, пятки скользили по гравию. Спинай я почувствовал прохладу ветра, дующего с пустоты. Оглянуться я не посмел – было понятно и так: крыша закончилась.

Позади был только парапет и затем – пропасть в несколько десятков метров пустоты до асфальта. Цыган, скалясь, приближался с осколком в руке. Саня наблюдал, и в его взгляде не было ни жалости, ни злорадства – лишь тупая покорность судьбе, которую мне теперь готовили.

Мне было страшно. До тошноты, до дрожи в коленях. Но в тот миг я осознал, что есть нечто страшнее этого страха. Стать таким, как Саня. Быть сломленным и растоптанным навсегда.

И тогда я, не отрывая глаз от Цыгана, перелез через низкий парапет и повис над бездной, держась лишь пальцами за холодный бетон. Ветер сразу рванул меня сильнее. Лицо Цыгана исказилось уже не злобой, а животным испугом. Он отступил на шаг. Саня замер.

Я не знаю, что творилось в их головах. Но в своей я с ледяной, абсолютной ясностью знал одно: лучше умереть.

ГЛАВА 3

После этого случая Сашу и Цыгана я с тех пор больше не видел. То ли Бог оберегал меня от них, то ли они сами избегали встречи. Рассказывать эту историю я никому не стал – было стыдно даже думать о таких вещах.

Некоторое время родители водили меня в школу сами, чтобы я не сбежал. Они не подозревали о случившемся, да и бежать мне было уже не с кем. Названная мама садилась за парту рядом со мной, а я молчал как рыба. Когда учительница спросила, не стыдно ли такому большому парню ходить на уроки с мамой, я ответил, что мне это нравится. В голосе звучало леденящее спокойствие, которое она приняла за искренность.

Я окончательно замкнулся в себе. Меня тошнило от осознания, что у меня были такие безжалостные и отвратительные «знакомые» – друзья моего брата.

Вскоре я познакомился с Денисом из параллельного класса. Мы начали с малого – прогуливали уроки. Он жил в той самой высотке, с крыши которой я недавно свешивался над пропастью. Вместо математики мы шли к нему, играли, болтали. Всё бы ничего, но отец Дениса прознал о прогулах и пригрозил ремнём. Денис боялся идти домой. Я предложил сбежать. Он не раздумывая согласился.

Побродив пару дней по городу, мы загорелись идеей махнуть в Ижевск. Денег не было. Нужен был план. Денис сказал, что умеет водить. На наше счастье, мы нашли стоящий «КамАЗ» с прицепом. Двери были заперты, но в замке зажигания торчал ключ. Откуда-то взялась отвёртка – не помню откуда. Мы выставили заднее стекло, влезли в кабину. Денис за рулём, я рядом. Завели, прогрели и – поехали, будто так и надо.

Двигатель зарычал с такой силой, что вся кабина затряслась. Запах солянки, мазута и старой обивки ударил в нос. Денис, стиснув зубы, тронулся с места так резко, что я стукнулся головой о стекло. Мы ехали, а у меня в ушах всё ещё гудел ветер с той шестнадцатизэтажной пропасти. Казалось, мы не убегаем в Ижевск, а убегаем от того мальчика на краю крыши.

Как мы доехали, осталось загадкой. Но к утру были в Ижевске. Люди, машины, пробки. Мы стояли в потоке, важные и деловые, а пассажиры автобусов показывали на нас пальцами. Нам было словно нипочём. Пока мы не заехали на стройку и не застряли у котлована. Ни туда ни сюда. Навстречу – бетономешалка. Мы перегородили проезд.

Водитель подошёл к кабине. Денис, бледный, заявил, что ему восемнадцать и мы здесь с отцом, который «отошёл на минутку». Мужик не поверил, вытащил его из-за руля. Пока он пересаживался, чтобы убрать «КамАЗ», мы дали дёру, бросив в кабине свои рюкзаки с учебниками.

Неделю мы жили в Ижевске – чердаки, подвалы, подъезды. Воровали, что плохо лежало. Вернувшись домой, мы, как всегда, получили на орехи. Денис после этого со мной не разговаривал. А комиссия по делам несовершеннолетних постановила отправить меня в спецшколу.

Родители недолго думали. Они решили переехать.

Так я и спасся от спецшколы.

ГЛАВА 4

Переезд я перенёс почти незаметно – в памяти от него остался лишь смутный калейдоскоп образов. В итоге мы оказались в деревне Курчум, что в Сунском районе Кировской области. В километре от неё, среди полей, выстроили десяток домов для приезжих вроде нас. Один дом – на две семьи, с отдельными входами. Одну из таких половин выдали и нам.

Я пошёл в местную школу. Но учёба сразу не заладилась: раньше меня хоть как-то тянули, да и программы отличались. Я стал сильно отставать, и в итоге меня оставили на второй год. Расстроился я и для себя решил – не буду учиться. Начал прогуливать. Было стыдно быть второгодником.

Судьба не заставила себя долго ждать. Познакомился с ровесником по имени Дима. Стали дружить, вместе прогуливать школу. Вместо уроки мы шли к соседке – взрослой женщине, которая жила с мужем и собакой породы Московская сторожевая. Эту собаку я полюбил больше всех в их семье. Пёс был огромный, своим видом и размерами наводил страх, но по характеру оказался очень дружелюбным, ласковым и преданным.

Что мы там делали? Пили чай, смотрели «видик» – что по тем временам было редкостью. Пересмотрели кучу фильмов. А в один день я снова предложил Диме сбежать. Инициатива, как всегда, шла от меня. Дима и не знал, что так можно.

Денег не было, и мы решили идти в Киров пешком – это около ста километров. Стояла осень, урожай ещё не весь убрали, поэтому питались с поля в прямом смысле слова. В основном картошкой, которую пекли на костре. Спали прямо на земле, чаще днём – ночи уже были холодными, да и под покровом темноты легче было промышлять.

Шли несколько дней. В одной из деревень увидели плохо припаркованный «Минск» без коляски. Я не умел ездить на двухколёсном, пробовал только отцовский мотоцикл с коляски. Дима сказал, что сможет управлять. Мы угнали его, откатали за пару километров и всю ночь пытались завести этот агрегат. Но честно – ничего не вышло. Не завёлся. Бросили его там же.

На следующий день нас уже вдоль дороги искал отец Димы. Под вечер нашёл и вернул домой. Так мы и не попали в Киров, преодолев почти полпути.

Через несколько дней мы снова составили план «Барбаросса», но теперь на автобусе. Это оказалось гораздо быстрее и эффективнее – на колёсах нас точно никто не догонит. Добрались на попутках до трассы, сели на автобус, и через несколько часов были в Кирове.

Киров казался нам огромным городом без конца и края. Поначалу боялись далеко отходить от автовокзала – мы оба были в таком большом городе впервые, опасались заблудиться. Улица за улицей, двор за двором, каждый дом и каждый открытый подвал мы изучали постепенно, но всё в шаговой доступности от вокзала. Как обычно, лазили по магазинам, столовым, брали что плохо лежит.

Однажды ночью мы залезли в магазин рядом с вокзалом. Там было всё, что нужно: еда и даже вещевой отдел, но вещи висели за решётчатой створкой. План созрел быстро – мы сняли створку с петель, набрали нужные вещи и уложили их в полиэтиленовые пакеты. Двинулись дальше по магазину.

В подсобке я увидел дверь с табличкой «Касса». Естественно, мы попытались туда проникнуть. Вверху между старой дверью и косяком была щель – мы просто сорвали её с петель.

Внутри ждало разочарование: какая-то документация и прочие бесполезные для нас вещи. В углу красовался массивный, неподъёмный противопожарный сейф. Я сразу сообразил, что он нам не по силам, тем более без инструментов.

Решили поставить дверь на место. Дима сопротивлялся, не понимая зачем. Я настаивал, будто от этого зависело что-то важное. Кажется, мне нужна была иллюзия, что мы не до конца перешли черту. В итоге он исполнил просьбу.

Прихватив продукты и пакеты с вещами, мы покинули магазин. Казалось, жизнь удалась. Теперь мы на время богаты: едой, питьём и одеждой.

ГЛАВА 5

Спустя короткое время продукты закончились, и мы с Димой снова выдвинулись на промысел. В одном из дворов мы обнаружили припаркованный «ПАЗик». Заглянув через лобовое стекло внутрь салона, увидели груды картонных коробок. Что в них – не знали.

Через пассажирскую дверь, с усилием оттянув её по ходу открытия, мы проникли внутрь. Подошли к коробкам, вскрыли одну. Взгляду открылись запечатанные консервные банки со сгущённым молоком. Восторг был неописуемый.

Не раздумывая, обыскали салон – больше ничего ценного не нашлось. Схватив одну из коробок, мы спешно покинули автобус.

Уединившись в кустах, немедленно приступили к трапезе. Вскрыли банки и давились сладкой, прилипающей к нёбу массой. После двух банок уже подташнивало от приторной сытости, но сил прибавилось заметно. Спрятав остатки сгущёнки, двинулись дальше.

На нашем пути попался заброшенный ларек с разбитым стеклом. Кто из нас первый предложил залезть внутрь – не помню. Решили поискать что-нибудь стоящее.

Я протиснулся через разбитое окно первым. Внутри пахло пылью, сыростью и чем-то кислым. Дима полез следом. Я двинулся вперёд, в глубь помещения, Дима остался у входа, осматривая пространство за моей спиной.

Подойдя к грубой столешнице, я заметил внизу какое-то тряпье и хлам. Пригнувшись, чтобы разглядеть. И среди этого мусора внезапно увидел человеческое лицо. Бледное, небритое, с полузакрытыми глазами.

Я оцепенел. На долю секунды мир сузился до этой точки – до грязного щека, прилипшей травинки и неподвижного зрачка, смотрящего в пустоту. Горло сдавило, я не мог издать ни звука.

– Дима... – наконец выдохнул я тихо, почти беззвучно.

Но в ответ из темноты за стойкой раздался чужой, хриплый и незнакомый голос:

– Закурить есть?

Паника, стремительная и всепоглощающая, ударила в виски. Забыв про всё, я рванул к выходу. Не чувствуя преград, буквально нырнул в проём разбитого окна. Выныривая на свободу, пяткой выбил оставшийся в раме осколок стекла. Дима, охваченный тем же слепым ужасом, бросился за мной. Осколок, сорвавшийся с рамы, вонзился ему в руку.

Страх в тот миг был сильнее и примитивнее, чем всё, что мы испытывали раньше. Мы неслись, не оглядываясь, подгоняемые диким, животным испугом. Честь самосохранения работала на чистом адреналине.

Позже, через дни, мы вспоминали этот случай со смехом. Но в момент происшествия нас преследовала лишь одна мысль – бежать.

Пару дней мы бродили по городу, уходя всё дальше от того района, изучая новые дворы, запоминая улицы и закоулки. Город раскрывался перед нами, огромный и равнодушный.

ГЛАВА 6

В один из дней мы наткнулись на большой двухэтажный магазин. Назывался он «ЦУМ». Я видел такой же в Ижевске. Этот поражал схожестью – те же размеры, та же конструкция. Вспомнил, как в прошлый раз мы с пацанами прятались в таком магазине перед закрытием под лестницей. Ночью бродили по отделам, брали что хотели, а под утро, когда магазин открывался, сбегали. В том, ижевском, ЦУМе мы чувствовали себя хозяевами ночи – всё было понарошку, будто опасная игра. Здесь же, лишь взглянув на его глухие стены, я почувствовал холодную тяжесть настоящего преступления. Это был не наш мир, и мы в нём – чужие.

Я предложил проверенную схему Диме. Он долго размышлял, но в итоге отказался: слишком опасно. Тогда я придумал иной план. Между этажами на лестничных маршах были узкие окна с сигнализацией. Улучив момент, я оторвал один датчик от рамы. Мы вышли и стали наблюдать. Никакой реакции. Казалось, обрыв провода остался незамеченным. Это придало нам уверенности.

Под вечер мы вернулись. Забравшись с угла здания на козырёк, поползли к нужному окну, прижимаясь к стене, чтобы нас не заметили с улицы. Отлежались, убедились – прохожих нет.

Кто-то из нас снял куртку и прижал её к стеклу, чтобы заглушить звук. Другим, заранее запасённым булыжником, я ударил по центру. Глухой хлопок – и стекло посыпалось внутри. Мы проникли в проём, быстро спрыгнули на лестничный марш и ринулись на второй этаж. Первый был слишком опасен – огромные витрины, нас мог бы увидеть любой случайный прохожий.

Мы даже не успели ничего схватить. Внизу, за стеклами, замелькали тени, послышались шаги. Нас заметили. Через мгновение в магазин ворвались милиционеры. Мы кинулись под ближайшие прилавки, затаились, задержав дыхание. Но это не спасло.

Раздался грубый голос:

– Сдавайтесь! Выпускаем собак!

Сердце упало. Осознав безвыходность, мы решили сдаться.

– Мы здесь! – крикнул я, поднимаясь с поднятыми руками.

Перед нами возник милиционер с огромной овчаркой на поводке и автоматом наперевес.

– Они здесь! – рявкнул он в сторону.

Нас мгновенно окружили. Убедившись, что мы двое и больше никого нет, один из стражей порядка взял нас за шиворот.

– Пойдёмте, сынки, – проворчал он, ведя в помещение пункта охраны.

Нас не били. Более того – накормили. А после передали в детский приёмник-распределитель. Так я впервые оказался в неволе. И не один – со мной был Дима.

ГЛАВА 7

По приезде в детский приёмник-распределитель нас отмыли и переодели в казённую одежду. Поместили в комнату метров десять. Она напоминала больничную палату: две кро-

вати, тумбочка, стол. Прямо в углу – туалет. Окно с массивной решёткой нарушало это сходство, напоминая, где мы на самом деле. Еду приносили прямо в палату. Водили на процедуры: анализ крови, взвешивание, осмотр.

Мы с Димой были вдвоём. Незнание того, что ждёт дальше, пугало. Мы старались об этом не думать. На процедурах пересекались с другими «сидельцами». Их было немного, и каждый задавал одни и те же вопросы: «Кто такие? Откуда? За что сели?». На долгий разговор времени не хватало – нас сразу уводили. Как мы узнали от постояльцев, это был карантин.

Через три дня нас снова куда-то повели. На двери кабинета – табличка «Заведующий». Дверь открылась. Человек, который нас вёл, спросил, обращаясь вглубь комнаты:

– Ваши?

В центре кабинета у окна стоял мужчина с усами. Он обернулся.

– Мои, – ответил он.

– Забирайте, – сказал наш провожатый, легонько подтолкнув нас вперёд.

В усатом дядьке я не сразу признал отца, но это был именно он.

Дорога домой прошла в молчании. Было относительно спокойно; мы лишь боялись, что нам достанется по приезду. Доехали до того самого перекрёстка, где когда-то ловили попутный автобус на Киров. Вышли и снова стали голосовать. Других вариантов добраться до деревни не было – шестнадцать километров. Машины туда ходили редко, и мы, уже отчаявшись, решили идти пешком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.